

Анатолий Шигапов

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

18+

Вне серии

Анатолий Шигапов

Линия жизни

«Автор»

2026

Шигапов А.

Линия жизни / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Вне серии)

Москва 1990-х. Молодой архитектор-реставратор Анна Ветрова спасает старый особняк, в подвале которого находит старинную фотографию офицера Белой армии, удивительно похожего на человека, которого ей ещё предстоит встретить. Этим человеком оказывается Константин Лихачёв - военный корреспондент, вернувшийся из Чечни с глубокими душевными ранами. Их любовь вспыхивает вопреки всему, но на пути встаёт Дмитрий Полонский - миллиардер, скупающий исторические кварталы под снос. Он привык получать всё, но впервые встречает женщину, которую невозможно купить. Три судьбы переплетутся в единый узел на два десятилетия. Война и мир, бедность и богатство, ревность и прощение, разлуки и возвращения - им предстоит пройти через всё, чтобы понять: любовь не просто чувство, а линия жизни, связывающая прошлое с будущим, память с надеждой. Это история о том, как сильная женщина способна изменить мир вокруг себя - и спасти тех, кого любит.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Линия жизни

Всем женщинам – хранительницам любви, памяти и жизни.
Тем, чьи линии света освещают этот мир.
Тем, кто умеет ждать, верить и прощать.
Вы – наше вдохновение и наша сила.

Дорогая читательница!

Перед вами книга, которую я писал с мыслью о вас. О женщинах, которые умеют любить глубоко и безоглядно, которые способны ждать, верить и прощать, которые не ломаются под ударами судьбы, а становятся только сильнее.

«Линия жизни» – это история о любви. Но не о той слащавой, придуманной любви, что живёт только на страницах глянцевого романа. Эта история о настоящем чувстве – таком, какое встречается в жизни: трудном, противоречивом, порой разрывающем сердце, но именно поэтому подлинном. О любви, которая меняет человека, заставляет его расти, преодолевать себя и обстоятельства.

В этой книге вы встретите Анну – реставратора, спасающую старую Москву, и Константина – военного корреспондента, принёсшего с войны не только ранения, но и глубокие душевные шрамы. Вы увидите Дмитрия – человека, который привык покупать всё деньгами, но впервые столкнулся с тем, что нельзя купить. Их судьбы переплетутся, как три линии на ладони, и вместе им предстоит пройти через испытания, потери и обретения.

Я приглашаю вас в это путешествие. Оно будет долгим – почти два десятилетия жизни моих героев. Оно будет непростым – будут слёзы и разочарования. Но оно обязательно подарит вам те минуты настоящего счастья, ради которых и стоит жить.

Откройте эту книгу – и позвольте себе поверить, что настоящая любовь существует. Что она сильнее войны, сильнее смерти, сильнее времени. Что линия жизни, однажды соединив двоих, не обрывается никогда.

С верой в чудо,
Анатолий Ш.

Пролог. Фреска в подвале
1995 год

Анна никогда не думала, что прошлое может пахнуть так отчетливо.

Сырость, старая известка, мышиный помет и еще что-то неуловимое – то ли ладан, то ли тлен, то ли время, которое здесь остановилось и теперь разлагалось медленно, как упавший лист, впрессованный в землю. Она стояла на пороге подвала, сжимая в руке фонарик, и понимала: сейчас она войдет туда, где не ступала нога человека, возможно, полвека. А может, и больше.

Обособник на Малой Никитской достался ей случайно. Так говорят архитекторы-реставраторы: «достался объект». На самом деле это она сама напросилась, выпросила, выцыганила у начальства эту жалкую развалюху, которую городские власти уже внесли в список на снос. Кому нужен купеческий особняк конца XVIII века, если на его месте можно построить стеклянно-бетонный офисный центр? Только ей, Анне Ветровой, двадцативосьмилетней одержимой, которая видела в этих облупленных стенах не рухлядь, а душу.

– Ну и дыра, – сказал прораб, который открывал ей дверь. – Тут же все сгнило. Чего вы там ищете?

– Историю, – ответила Анна и шагнула внутрь.

Дом встретил ее гулкой тишиной. Парадная лестница еще держалась, но ступени скрипели, как старые кости. Лепнина на потолке осыпалась, обнажая дранку. Где-то наверху хлопала незакрытая форточка – ветер гулял по комнатам, как неприкаянный дух.

Анна любила это чувство: когдаходишь в старый дом и он начинает с тобой разговаривать. Скрипами, запахами, тенями. Каждый дом хранит память о тех, кто в нем жил, любил, плакал, умирал. Ее задача – не дать этой памяти исчезнуть под бульдозером.

Она поднималась по лестнице, мысленно делая заметки: здесь нужно укрепить перекрытия, здесь восстановить паркет, здесь, возможно, под слоем краски сохранилась роспись. Но главное, что ее привело сюда сегодня, – слухи о подвале. Старожилы говорили, что в этом особняке до революции была домовая церковь, а при советской власти подвал замуровали. Если там сохранились фрески, это может стать аргументом в борьбе за здание.

Вход в подвал она нашла за кухней – маленькая дверца, почти незаметная под слоями побелки. Петли проржавели намертво, пришлось звать прораба с ломом. Когда дверь с визгом подалась, из темноты пахнуло могильным холодом.

– Я с вами не пойду, – сказал прораб и перекрестился. – Мало ли что там.

Анна только усмелнулась. Она не верила в приметы. Она верила в факты.

Ступени уходили вниз круто, почти отвесно. Фонарик выхватывал из темноты кирпичные своды, паутину, толстую, как пряжа, и странные пятна на стенах. Анна шла медленно, считая шаги. Десять, двадцать, тридцать... Подвал оказался глубже, чем она думала. Наконец ступени кончились, и она оказалась в небольшом помещении с низким потолком.

Здесь было почти сухо. И тихо – тишина стояла такая плотная, что закладывало уши. Анна повела фонарем по стенам и замерла.

Фрески.

Они были здесь. Неяркие, выцветшие, местами осыпавшиеся, но – несомненно, настоящие. Анна приблизилась, провела пальцем по шероховатой поверхности. Под слоем пыли проступили лики святых – строгие, византийские, с огромными глазами, которые, казалось, смотрели прямо в душу.

– Господи... – прошептала Анна.

Она достала фотоаппарат, начала снимать. Кадр за кадром. Нужно будет показать экспертам, сделать анализ красок, датировку. Если это действительно конец XVIII века, уникальная находка. Но что-то ее тревожило. Какое-то чувство, что здесь есть еще что-то.

Она обошла помещение. В углу, за грудой битого кирпича, виднелся еще один проем – маленький, почти лаз. Анна, не раздумывая, полезла туда.

За лазом оказалась комната. Совсем крошечная, похожая на келью. Вдоль стены – деревянная лавка, рассыпавшаяся в труху. На лавке – груда тряпья, в которой угадывались остатки одежды. И среди тряпья – металлическая коробка, тронутая ржавчиной, но еще целая.

Анна осторожно взяла коробку. Крышка поддалась не сразу, но когда открылась, внутри оказались фотографии. Старые, пожелтевшие, с загнутыми углами. Анна вытащила первую и поднесла к фонарику.

На нее смотрел молодой офицер. Белая гвардия, судя по погонам. Красивое лицо, тонкие черты, глаза – удивительно знакомые. Такие глаза она где-то уже видела. Но где? Анна перевернула фотографию. На обороте надпись карандашом, почти стершаяся: «К. 1919. На память».

Она перебрала остальные снимки. Женщины в длинных платьях, дети в матросских костюмчиках, старики с бородами – целая жизнь, застывшая на картоне. И несколько раз – тот же офицер. То в группе, то один. И с каждым снимком ощущение, что она знает его, становилось сильнее.

Анна сунула коробку в рюкзак. Надо показать историкам, maybe удастся установить личности. Но главное – фрески. Если их удастся сохранить, это будет победа.

Она выбралась наверх, шурясь от дневного света, который после подвальной тьмы казался нестерпимо ярким. Прораб ждал ее у входа, курил, нервно оглядываясь.

– Ну что там? – спросил он.

– Сокровище, – ответила Анна. – Настоящее сокровище.

Она села в свой старенький «москвич» и поехала в мастерскую. В голове уже роились планы: нужно готовить документы для комиссии, собирать подписи, искать спонсоров. Особняк на Малой Никитской станет ее главным делом.

Она еще не знала, что это дело станет ее судьбой. Что офицер с фотографии войдет в ее жизнь самым неожиданным образом. Что через год она встретит человека с такими же глазами. И что этот подвал изменит все.

Вечером, сидя за рабочим столом, Анна снова достала фотографии. Разложила их перед собой, всматриваясь в лица. Кто вы? Чья жизнь оборвалась здесь? Почему ваши снимки остались в этом склепе?

За окном смеркалось. Где-то в Москве зажигались огни, город готовился к ночи. А Анна все сидела, глядя на офицера, и чувствовала странную связь – через время, через смерть, через эту старую пожелтевшую бумагу.

– Я тебя найду, – сказала она вслух. – Я узнаю, кто ты.

И не заметила, как уснула прямо за столом, положив голову на руки. А во сне ей приснился подвал, фрески и глаза, которые смотрели с фотографии – живые, настоящие, зовущие.

Так началась эта история.

Часть первая. Чужие

Глава 1. Митинг

1996 год, осень

Москва конца девяностых пахла бензином, деньгами и тревогой.

Анна стояла в толпе перед зданием мэрии и держала плакат: «Руки прочь от истории!». Рядом переминались с ноги на ногу старушки в советских пальто, интеллигенты с портфелями, несколько студентов с горящими глазами. Человек пятьдесят – смехотворно мало для города, где каждый день сносили по зданию. Но другого оружия у них не было.

– Товарищи! – кричал в мегафон седой академик. – Мы не можем допустить уничтожения нашего культурного наследия! Особняк на Малой Никитской – памятник федерального значения!

– Он уже продан! – крикнули из толпы. – Там будут офисы!

– Будем стоять до конца!

Анна слушала вполуха. Она устала. Три месяца борьбы, десятки писем, экспертизы, унизительные хождения по кабинетам, где чиновники смотрели на нее как на назойливую муху. Особняк должен был пойти под снос еще вчера, но ей удалось выиграть время – временный запрет суда. Сегодняшний митинг – последняя попытка привлечь внимание.

Она обвела взглядом толпу зевак на противоположной стороне. Москвичи привыкли к митингам, никто не обращал внимания. Но среди прохожих мелькнуло лицо, которое заставило ее вздрогнуть.

Высокий, худой, в потертой кожаной куртке. Темные волосы, небритость, и глаза – усталые, колючие, с каким-то странным блеском. Он стоял чуть поодаль, держа в руках блокнот, и что-то быстро записывал. Журналист? Анна таких не помнила.

И вдруг она поняла, отчего вздрогнула. Глаза. Эти глаза она видела на старой фотографии. Тот самый офицер, только без погон и на сто лет позже. То же выражение – словно человек знает что-то, чего не знают другие.

Анна отвела взгляд. Глупости. Просто показалось. Тысячи людей похожи друг на друга.

Митинг тем временем набирал обороты. Академик разошелся, перешел на личности, поминал «новых русских», которые плюют на историю. Толпа загудела. Кто-то запустил в сторону мэрии яйцом – оно разбилось о стену, оставив желтое пятно. Подъехал автозак, из него высыпали омовцы с дубинками.

– Прекратить! – рявкнул мегафон с другой стороны.

Началась обычная для тех лет неразбериха. Кого-то повели в автозак, старушки завизжали, студенты запели «Интернационал». Анна пыталась сохранять спокойствие, но ее толкнули, плакат сломали, и она оказалась прижатой к ограждению.

– Осторожно.

Чья-то рука подхватила ее под локоть, не давая упасть. Она обернулась – тот самый журналист с колючими глазами стоял рядом, прикрывая ее спиной от напавшей толпы.

– Спасибо, – выдохнула Анна.

– Не за что. – Он говорил хрипло, будто прокуренно. – Вы тут зачем? Плакат ради?

– Я архитектор. Это мой объект.

– А, реставраторша. – В его голосе послышалась насмешка. – И много вы нареставрировали?

Анна вспыхнула.

– А вы кто такой, чтобы судить? Журналист? Так пишите правду, а не глумитесь.

Он усмехнулся, показав желтоватые зубы.

– Правду? Я правду каждый день в морге вижу. А ваша правда – она только для живых, у которых есть время по старым стенам ползать.

– Вы циник.

– Я реалист. – Он отпустил ее локоть, толпа немного рассеялась. – Ладно, бывайте. Если не заберут в обезьянник.

И он пошел прочь, не оглядываясь. Анна смотрела ему вслед и чувствовала странное раздражение. Кто он такой? Почему он так смотрел? И почему эти глаза...

Вечером она сидела в мастерской и пыталась работать, но мысли возвращались к утренней встрече. Дурак. Наглый, циничный тип. И все же что-то в нем было – какая-то боль, которую он прятал за насмешкой. Анна тряхнула головой, отгоняя наваждение.

Через неделю она узнала, что особняк все-таки отстояли – временно, до нового рассмотрения. Это была маленькая победа. Анна праздновала ее в одиночестве, с бутылкой дешевого вина и бутербродами. Зазвонил телефон.

– Анна Ильинична? Вас беспокоят из редакции «Московского комсомольца». Мы хотим взять у вас интервью о борьбе за особняк. Наш корреспондент, Константин Лихачев, мог бы встретиться с вами завтра?

Анна поперхнулась вином.

– Лихачев? – переспросила она.

– Да. Он как раз писал о сносах, хочет сделать материал.

– Хорошо, – сказала Анна после паузы. – Пусть приходит. Завтра в десять.

Она положила трубку и долго смотрела в окно. Настырный тип. Но, возможно, через него удастся донести правду до широкой аудитории. Хотя какой от него толк, если он считает ее наивной дурочкой?

На следующее утро он появился ровно в десять. Та же потертая куртка, та же небритость, но в руках – не блокнот, а диктофон. Анна впустила его в мастерскую, предложила чай. Он отказался, сел на табурет, оглядывая стены, заставленные эскизами, чертежами, фотографиями.

– У вас тут как в музее, – сказал он без насмешки, скорее удивленно.

– Это работа. – Анна села напротив. – Задавайте свои вопросы.

Он включил диктофон и начал спрашивать. Оказалось, он готовился: знал историю особняка, даты, имена архитекторов. Анна отвечала подробно, увлекаясь, забывая о своей неприязни. Когда она говорила о любимом деле, она преображалась – глаза загорались, голос становился мягче.

Константин слушал, изредка кивая. А потом вдруг спросил:

– А вы верите, что это все имеет смысл? Ну, стены эти, фрески... Кому они нужны сейчас, когда люди каждый день гибнут?

Анна замерла.

– Вы о чем?

– О жизни. – Он отвел взгляд. – Я с войны вернулся. Чечня. Там я насмотрелся на то, как быстро все это... – он обвел рукой мастерскую, – становится пеплом. Люди, дома, память. Все сгорает. А вы тут за старые кирпичи бьетесь.

– Это не кирпичи, – тихо сказала Анна. – Это душа. Без прошлого нет будущего. Если мы сотрем память, мы перестанем быть людьми.

Он долго смотрел на нее. Потом выключил диктофон.

– Знаете, вы первая, кто мне это так сказал. Обычно все говорят про деньги, про статус, про престиж. А вы – про душу.

– А вы, – Анна вдруг осмелела, – вы первый, кто спросил меня про смысл. Обычно спрашивают про сроки и бюджеты.

Они помолчали. В мастерской пахло красками и деревом, за окном шумел город. И в этой тишине между ними что-то возникло – тонкое, почти неуловимое, но настоящее.

– Я напишу хорошую статью, – сказал Константин, поднимаясь. – Обещаю. Не про кирпичи, а про то, что вы говорили.

– Спасибо, – Анна тоже встала. – И... будьте осторожны. Там, где вы работаете.

Он усмехнулся, но в глазах мелькнуло что-то теплое.

– Постараюсь.

Когда он ушел, Анна еще долго сидела неподвижно. Потом подошла к столу, где лежали старые фотографии из подвала. Снова достала снимок офицера, поднесла к свету.

Тот же взгляд. Та же глубина. То же чувство, что этот человек видел слишком много смерти.

– Кто ты? – прошептала Анна. – И кто он?

Ответа не было. Только ветер стучал в окно, и где-то вдалеке завывала сирена – Москва жила своей жизнью, равнодушная к тайнам прошлого.

Глава 2. Криминальная хроника

1996 год, ноябрь

Редакция «Московского комсомольца» размещалась в старом здании на улице 1905 года, где пахло типографской краской, дешевым кофе и вечным цейтнотом. Константин Лихачев сидел за своим столом, заваленным бумагами, и тупо смотрел в монитор. На экране мигал курсор, а в голове было пусто, как в сгоревшем доме.

Он не писал статью уже третий час. Тема была стандартная: разборка в Люберцах, трое трупов, стреляли из автоматов. Факты, имена, версии – все это он мог бы набрать с закрытыми глазами. Но сегодня пальцы не слушались. Перед глазами стояло другое: лицо той женщины из мастерской, Анны. Как она говорила о старых стенах, о душе, о памяти. Как смотрела на него – не с жалостью, не с презрением, а словно видела что-то, чего он сам в себе уже не замечал.

– Лихачев, ты спишь? – над ухом раздался голос редактора отдела криминала, дяди Паши, грузного мужика с вечно красным носом. – Материал когда сдашь? У меня верстка через два часа.

– Будет, – буркнул Константин, не оборачиваясь.

– Смотри у меня. Если опять опоздаешь, премии лишу.

Редактор ушел, и Константин снова уставился в монитор. Надо было писать. Он вздохнул, отхлебнул остывший кофе и начал набирать: «Вчера вечером в Люберцах произошла перестрелка между двумя преступными группировками...»

Слова ложились на экран ровно, без эмоций. Он научился писать так, чтобы читатель содрогнулся, но сам оставался холодным. Иначе нельзя – сойдешь с ума. За два года в криминальной хронике он описал сотни смертей: заказные убийства, бытовуху, разборки, случайных прохожих под пулями. Сначала снились кошмары, потом перестал. Организм выработал иммунитет.

Или ему только казалось.

Закончив статью, Константин отправил ее редактору и откинулся на спинку стула. В накуренной комнате стоял гул голосов: коллеги обсуждали новые указы, кризис, чеченские события. Кто-то громко смеялся над анекдотом. Константин не слушал. Он смотрел в окно на серое ноябрьское небо и думал о том, что пора бы уже выпить.

Ровно в семь вечера он вышел из редакции и пешком побрел к метро. Москва готовилась к ночи: зажигались фонари, неслись куда-то машины, в переулках уже маячили подозрительные личности. Константин шел быстро, не глядя по сторонам. В кармане куртки лежала фляжка с коньяком – он отхлебнул на ходу, чтобы согреться.

Дома его никто не ждал. Квартира на окраине, однокомнатная, с ободранными обоями и вечным запахом сырости, встречала его тишиной. Константин бросил куртку на стул, включил телевизор для фона и достал из холодильника банку пива. Пить начал еще вчера, и сегодняшний вечер не сулил ничего, кроме продолжения.

Телевизор бормотал про дефолт, про Ельцина, про войну. Константин переключил на музыкальный канал – там крутили клип «Сектора Газа». Он пил пиво и пытался не думать. Не думать о Чечне, о Сашке, который остался там, в горах, о том, как они попали в засаду, как стреляли, как он тащил друга, а тот уже был мертв. Не думать о том, что он, Константин, жив, а Сашка – нет. Не думать о том, что дома его никто не ждет и не ждал никогда.

Но мысли лезли сами. Они были липкими, как паутина, и такими же невыносимыми.

Он уснул под утро прямо на диване, в одежде. И снова пришло это.

Горы. Жара. Пыль. Они идут по ущелью, Сашка впереди, чуть правее. Шутят про что-то, кажется, про девчонок. Вдруг – щелчок. Не выстрел, а именно щелчок, как будто ветка сломалась. Сашка оседает, нелепо взмахнув руками. Константин бросается к нему, переворачивает, а у того вместо лица – кровавое месиво. И глаза открыты, и губы шевелятся, но звука нет. А потом взрыв, и Константина накрывает землей, темнотой, тишиной...

Он проснулся от собственного крика.

Сердце колотилось где-то в горле, рубашка взмокла, в комнате было темно и душно. Константин сел, пытаясь отдышаться. Трясущейся рукой нашарил на тумбочке пачку сигарет, закурил прямо в постели. Глубокий вдох, выдох. Еще один.

– Твою мать, – прошептал он в пустоту.

За окном светало. Константин посмотрел на часы – половина шестого утра. Через три часа на работу. Можно было попробовать заснуть снова, но он знал: не получится. После таких снов лучше не ложиться.

Он встал, прошел на кухню, поставил чайник. Пока вода закипала, смотрел на свое отражение в темном стекле – небритое, осунувшееся лицо, темные круги под глазами. Красавец. Таким девушки и влюбляются.

Зазвонил телефон. Константин глянул на определитель – Глеб. Только его не хватало.

– Слушаю, – ответил он хрипло.

– Привет, соня. – Голос друга звучал бодро, как всегда. – Ты чего такой убитый? Опять кошмары?

– Отстань.

– Ну да, ну да. Слушай, я тут подумал: может, сходим куда вечером? А то ты совсем один сидишь, киснешь. В кино, например?

– Глеб, какое кино? У меня работа.

– Работа у тебя – говно. Извини, конечно, но это правда. Ты ж не для того воевал, чтобы теперь в моргах пропадать. Давай, соглашайся. Я заеду в семь.

Константин хотел отказаться, но вдруг вспомнил вчерашний вечер, пустоту, пиво в одиночестве. Может, и правда проветриться?

– Ладно, уговорил. Во сколько?

– В семь, сказал же. Жди.

Глеб отключился. Константин допил чай, побрился, надел чистую рубашку и поплелся на работу. День обещал быть обычным: сводки происшествий, морги, милиция, интервью с оперативниками, которые уже знали его в лицо и перестали удивляться циничным вопросам.

Управление внутренних дел на Петровке встретило его привычной суетой. Константин прошел в пресс-службу, где его ждал капитан Ковалев, толковый мужик, с которым они давно работали.

– Лихачев, привет. – Ковалев протянул руку. – Что на этот раз? Опять разборки?

– А что, есть что-то новенькое? – Константин сел на стул, достал блокнот.

– Новенькое? – Ковалев усмехнулся. – Вчера нашли труп в центре. Коммерсанта какого-то, с двумя пулями в затылке. Заказняк, похоже. Но детали пока не для печати.

– А для меня?

– Для тебя – только общую информацию. Имя, время, место. А так – расследование идет.

Константин записал данные, задал пару уточняющих вопросов и вышел. На очереди был морг – нужно было получить заключение по вчерашней перестрелке. Он поехал на Таганку, где в старом здании располагалось бюро судебно-медицинской экспертизы.

Здесь пахло формалином и смертью. Константин привык, но все равно каждый раз сжимал зубы. Эксперт, пожилой дядька в очках, встретил его усталым кивком.

– Лихачев, проходи. Что нужно?

– Заключение по люберецким.

– Сейчас дам. – Эксперт порылся в бумагах. – Вот, держи. Все как обычно: огнестрельные, три человека, двое скончались на месте, один в больнице.

Константин пробежал глазами по строкам. Имена, возраст, характер ранений. В графе «особые приметы» у одного было написано: «татуировка на плече в виде креста». Бывший военный? Или просто экз? Теперь уже не важно.

– Спасибо, – сказал он и вышел.

На улице моросил дождь. Константин закурил, прячась под козырьком. Мимо прошла женщина с ребенком, девочка лет пяти посмотрела на него с любопытством. Он отвернулся. Дети вызывали в нем странное чувство – смесь нежности и тоски. Своих у него не было и, скорее всего, не будет. Кому нужен муж с тараканами в голове?

Вечером, как обещал, приехал Глеб. Он по-прежнему был одноруким – левая рука отсутствовала выше локтя, но он научился жить без нее и даже водил машину, переделав рычаг передач. Глеб был из той же командировки, из того же ада, но вышел оттуда если не целым, то более-менее собранным. Может, потому что у него была семья – жена Лена и дочка. А может, просто потому что Глеб умел не заикливаться.

– Ну что, поехали? – Глеб хлопнул его по плечу здоровой рукой. – Я тут билеты взял в кино на «Криминальное чтиво». Говорят, крутой фильм.

– Давно смотрел, – буркнул Константин. – Но ладно, поехали.

В кинотеатре было душно, пахло попкорном и людьми. Константин сидел и смотрел на экран, но мысли были далеко. Тарантиновские диалоги казались фальшивыми, а кровь – бута-

форской. Он видел настоящую кровь, настоящую смерть, и киношные страсти вызывали только усмешку.

После фильма они зашли в кафешку. Глеб заказал пива, Константин – водки.

– Ты чего такой кислый? – спросил Глеб. – Фильм не понравился?

– Фильм нормальный. Я не о том.

– А о чем?

Константин помолчал, глядя в рюмку. Потом поднял глаза на друга.

– Ты помнишь Сашку?

Глеб сразу стал серьезным.

– Помню.

– Мне опять снится. Как он падает, как я его тащу, а он уже... – Константин сжал зубы.

– Не могу забыть. Думал, время пройдет, а оно не проходит.

– Время не лечит, – тихо сказал Глеб. – Я тоже помню. И рука до сих пор болит, хотя ее нет. Фантомные боли, понимаешь? А в голове – фантомные воспоминания. Они всегда с нами.

– И как ты с этим живешь?

– А у меня Лена. И дочка. Они отвлекают. А ты один – тебе тяжелее. Тебе бы тоже кого-то найти, чтобы было ради чего просыпаться.

– Кого найти? – усмехнулся Константин. – Ты видел, кто на меня смотрит? Алкоголички и дуры. А нормальные сразу чувствуют, что я с приветом.

– Не скажи. Вон, та реставраторша, про которую ты писал, Анна. Она вроде нормальная. Константин поперхнулся.

– Ты откуда про нее знаешь?

– А я статью твою читал. Хорошая статья, кстати. Ты там про нее тепло написал. И фотку ее видел – симпатичная. Почему бы нет?

– Глеб, ты дурак? Ей нужен нормальный мужик, а не псих с кошмарами.

– А ты не решай за нее. Может, ей как раз такой и нужен. Который жизнь видел.

Константин отмахнулся, но мысль засела. Анна. Снова она. Странно, но после того разговора в мастерской она не выходила у него из головы. Может, Глеб прав? Может, попробовать? Да ну, бред. Она из другого мира – из мира света, красок, надежды. А он – из мира тьмы. Им не по пути.

Они выпили еще, потом разошлись. Константин вернулся домой, рухнул на диван и провалился в сон без сновидений – впервые за много недель.

На следующее утро он пришел на работу и обнаружил на столе свежий номер газеты. На третьей полосе была его статья об Анне и особняке. Заголовок: «Последний оплот памяти». Константин пробежал глазами – получилось действительно хорошо. Без цинизма, без дешевых сенсаций. Просто история женщины, которая спасает прошлое, чтобы у будущего было лицо.

Редактор дядя Паша подошел и хлопнул по плечу.

– Молодец, Лихачев. Давно от тебя такого не видел. Человечно написал. Может, продолжишь тему? Сделаешь серию материалов о защитниках Москвы?

– Подумаю, – ответил Константин.

Но думал он не о серии. Он думал о том, позвонить ли ей. Поблагодарить за помощь? Или просто услышать голос? В конце концов, он же журналист, может, нужны дополнительные комментарии. Это будет по-деловому, без намеков.

Он набрал номер, который остался у него в блокноте. Трубку долго не брали, потом раздался запыхавшийся голос:

– Аллю?

– Анна Ильинична? Это Константин Лихачев, корреспондент. Я по поводу статьи. Вышла сегодня, хотел узнать ваше мнение.

Пауза. Потом:

– А, Константин. Здравствуйте. Честно говоря, еще не видела. Спасибо, что сообщили. Я поищу.

– Если хотите, я могу завезти экземпляр. Мне все равно по делам в вашем районе.

Еще одна пауза. Он уже пожалел, что предложил.

– Ну... хорошо. Привозите. Я сейчас в мастерской.

– Буду через час.

Константин положил трубку и почувствовал, как забилося сердце. Черт, как мальчишка. Спокойно, Лихачев. Это просто работа.

Но когда через час он стоял перед дверью ее мастерской, держа в руках газету, он вдруг понял, что врет сам себе. Никакая это не работа. Это что-то другое. Что-то, чего он боялся больше, чем войны.

Дверь открылась. Анна стояла на пороге в той же фланелевой рубашке, волосы стянуты в пучок, на щеке пятно краски. Она улыбнулась – и у Константина перехватило дыхание.

– Заходите, – сказала она. – Чай будете?

– Буду, – ответил он и шагнул через порог.

За окном моросил дождь, а в мастерской было тепло и пахло деревом. И в этом запахе, в этом свете, в этой улыбке Константин вдруг почувствовал то, чего не чувствовал уже много лет. Покой.

Он еще не знал, что этот покой обманчив. Что впереди – годы боли, разлук и потерь. Что он снова сбежит, сломается, предаст. Но сейчас, глядя на Анну, он просто хотел быть рядом. Хотя бы час. Хотя бы миг.

– Садитесь, – Анна указала на стул. – Рассказывайте, что у вас там написано.

Он сел, положил газету на стол. И начал рассказывать.

Глава 3. Слушания

1996 год, декабрь

Заседание общественного совета при Москомнаследии проходило в старом особняке на Тверской, где пахло мастикой и казенным оптимизмом. Анна пришла за час, чтобы занять место в первом ряду. Она знала: сегодня решается судьба не только особняка на Малой Никитской, но и всего квартала. Если комиссия утвердит снос, никакие митинги не помогут.

В зале постепенно собирались люди. Чиновники в строгих костюмах, эксперты с портфелями, несколько журналистов – Анна узнала двоих, писавших ранее о градозащитниках. Константина не было, и она поймала себя на мысли, что ищет его глазами. Глупо. У него своя работа, у нее – своя.

Ровно в десять председательствующий, грузный мужчина с лицом профессионального бюрократа, ударил молоточком.

– Начинаем. Первый вопрос – о сносе аварийных зданий в квартале 147. Слово предоставляется главному архитектору проекта, господину Полонскому.

Анна вздрогнула. Полонский – это имя она уже слышала. Владелец строительной корпорации, скупающий историческую Москву под элитную застройку. О нем ходили слухи: подкупы, угрозы, связи в мэрии. Но вживую она его никогда не видела.

И вот он поднялся из-за стола в президиуме.

Высокий, подтянутый, в дорогом костюме, от которого пахло деньгами и властью. Ему было около сорока пяти, но выглядел он моложе – холеное лицо, седина на висках, уверенные движения. Анна ожидала увидеть хищника, а увидела человека, который скорее напоминал профессора, чем дельца. Но глаза – холодные, цепкие, оценивающие – выдавали породу.

– Уважаемые члены совета, – начал Полонский без бумажки, глядя прямо в зал. – Я понимаю вашу озабоченность сохранением исторического облика Москвы. Но давайте смотреть правде в глаза: здания в квартале 147 находятся в аварийном состоянии. Их реставра-

ция обойдется городу в сумму, которой нет в бюджете. Моя компания предлагает снос ветхих построек и возведение современных зданий, стилизованных под старину. Таким образом, мы сохраним дух места, но создадим комфортную среду для жизни и работы.

– Стилизация – не сохранение! – выкрикнул кто-то из зала.

Полонский повернул голову, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усмешку.

– Я понимаю эмоции. Но позвольте спросить: сколько из вас готовы жить в доме без канализации и отопления, с гнилыми перекрытиями? Историю нужно любить, но не ценой жизни людей.

В зале зашумели. Кто-то аплодировал, кто-то возмущался. Анна сжала кулаки. Он умел говорить – гладко, убедительно, играя на чувствах. Но за красивыми словами стояла ложь. Она знала эти дома: да, они требовали ремонта, но их можно было спасти. Полонскому нужна была земля, а не история.

Председатель предоставил слово противникам сноса. Выступали академики, краеведы, обычные жители. Говорили страстно, но сумбурно. Анна слушала и понимала: их эмоции против его денег и связей – неравный бой.

– Слово предоставляется Ветровой Анне Ильиничне, архитектору-реставратору, – объявил председатель.

Анна встала, поправила скромный пиджак и вышла к трибуне. Сердце колотилось, но она заставила себя дышать ровно.

– Уважаемые члены совета. Я хочу показать вам то, что не видно на планах застройки. – Она разложила на трибуне фотографии. – Это подвал особняка на Малой Никитской. Здесь сохранились уникальные фрески конца XVIII века. Аналогов им в Москве нет. Если мы снесем здание, мы уничтожим не просто стены – мы уничтожим часть нашей истории, которую уже никогда не восстановим.

В зале стало тихо. Даже Полонский, который до этого смотрел в потолок, повернулся к ней.

– Я провела экспертизу, – продолжала Анна. – Фрески можно реставрировать. Да, это требует средств. Но они есть – я нашла частного инвестора, готового вложиться. Мы можем сохранить особняк, если город выделит его в долгосрочную аренду нашему фонду.

– Кто инвестор? – спросил кто-то из президиума.

– Я не могу назвать имя, но это серьезный человек. Деньги реальные.

Полонский поднял руку, прося слова. Председатель кивнул.

– Госпожа Ветрова, я восхищен вашей страстью. – Голос его звучал мягко, почти ласково. – Но позвольте спросить: вы гарантируете, что ваш инвестор не откажется в последний момент? Что у него есть ресурсы на полную реставрацию? И главное – что вы сделаете с остальными зданиями квартала? Будете спасать каждое по отдельности, пока они не рухнут сами?

Анна смотрела ему в глаза и видела: он не злится, он изучает. Как шахматист – просчитывает варианты.

– Я предлагаю сохранить хотя бы то, что можно. А остальное – вопрос времени и доброй воли.

– Времени нет, – отрезал Полонский. – Здания опасны для людей. Если кто-то пострадает, вы возьмете ответственность?

– А если мы потеряем историю, кто возьмет ответственность за это? – парировала Анна.

В зале зааплодировали. Полонский чуть заметно улыбнулся – не обиженно, а скорее заинтересованно. Он кивнул ей, как равной, и сел.

Слушания продолжались еще час. В итоге совет принял компромиссное решение: отложить снос особняка на полгода для дополнительной экспертизы. Остальные здания квартала были обречены.

Когда Анна выходила из зала, к ней подошел помощник Полонского – молодой человек в безупречном костюме.

– Анна Ильинична, Дмитрий Борисович просит вас зайти на минуту. Это важно.

– Я не хочу с ним разговаривать, – отрезала Анна.

– Дело не в сносе. Он хочет обсудить вашего инвестора.

Анна замерла. Инвестора? Откуда он знает? Она назвала имя только одному человеку – старому другу отца, меценату, который действительно обещал помочь. Если Полонский узнал, значит, у него везде уши.

– Хорошо, – сказала она. – Где он?

Ее провели в небольшой кабинет на втором этаже. Полонский сидел в кресле у окна, пил кофе. Увидев Анну, он встал и жестом пригласил сесть.

– Спасибо, что согласились. – Он говорил тихо, почти доверительно. – Вы произвели на меня впечатление. Редко встречаю людей, которые так горят своим делом.

– Если вы хотите меня перекупить, зря стараетесь, – холодно ответила Анна.

Полонский усмехнулся.

– Вы прямолинейны. Это хорошо. Но я не о том. Скажите, ваш инвестор – это случайно не Михаил Гурьевич?

Анна вздрогнула. Он назвал точное имя.

– Допустим. А вам какое дело?

– Мне есть дело, потому что Гурьевич – мой должник. Он должен мне крупную сумму. Если он вложится в ваш проект, эти деньги уйдут от меня. А я не люблю терять.

– Это ваши проблемы.

– Это наши проблемы, Анна. Потому что если он не вернет долг, мне придется принимать меры. А меры могут быть неприятными для всех.

Анна смотрела на него и не верила. Неужели он угрожает? Так открыто?

– Вы хотите сказать, что если я не откажусь от его помощи, вы его уничтожите?

– Я хочу сказать, что у каждого бизнеса есть свои правила. Гурьевич их нарушил. Но я предлагаю выход: я сам профинансирую реставрацию особняка. Полностью. Без всяких условий.

Анна опешила.

– Что?

– Вы не ослышались. Я дам деньги. Не от города, не от фонда – лично от меня. Вы получите все, что нужно. А взамен – только одно: вы прекратите протесты против сноса остальных зданий. Не поддерживаете, но и не мешаете.

– То есть вы хотите купить мое молчание?

– Я хочу найти компромисс. Вы спасаете свое любимое здание, я строю свои офисы. Все довольны.

Анна встала. Ее трясло.

– Вы чудовище, – сказала она. – Думаете, деньгами можно все решить? Думаете, я продамся за подачку? Особняк не будет стоять один в пустом квартале. Он умрет без контекста, без людей, без жизни. А вы... вы просто не понимаете, что такое душа.

Полонский тоже встал. Он был выше ее на полголовы и сейчас смотрел сверху вниз – но без превосходства, скорее с грустью.

– Душа, – повторил он. – Вы знаете, я тоже когда-то верил в душу. Давно, когда был мальчишкой в коммуналке, когда читал книжки и думал, что стану ученым. А потом жизнь научила: душа – это роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого есть деньги на нее. У меня их нет. У меня есть только дело. И я делаю его честно.

– Честно? – Анна чуть не задохнулась. – Вы сносите дома, выбрасываете людей на улицу, уничтожаете память – и называете это честно?

– Я даю людям работу. Я строю новое. Старое уже умерло, его не воскресить. Можно сколько угодно плакать над руинами, но жизнь идет вперед.

– Это не жизнь. Это смерть.

Они смотрели друг на друга, и между ними словно пробежала искра – не любовь, не ненависть, а что-то другое. Узнавание. Два человека, говорящие на разных языках, но чувствующие, что за словами стоит боль.

– Уходите, – тихо сказал Полонский. – И подумайте над моим предложением. Оно не вечно.

– Мне не о чем думать.

Анна вышла, хлопнув дверью. В коридоре она остановилась, прислонилась к стене. Сердце колотилось, руки дрожали. Она только что разговаривала с врагом. Но почему-то в его глазах она видела не пустоту, а такую же тоску, как у Константина? Или ей показалось?

Вечером она сидела в мастерской и смотрела на фотографию офицера. Тот же взгляд – глубокий, страдающий, словно человек знает что-то, чего не знают другие. Может, все мужчины, прошедшие войну, так смотрят? Или те, кто прошел через ад?

Зазвонил телефон. Анна сняла трубку – Гурьевич, ее инвестор.

– Анна, простите, – голос его звучал виновато. – Я вынужден отказаться от участия. Обстоятельства.

– Какие обстоятельства? – спросила она, хотя уже знала ответ.

– Личные. Не спрашивайте. Я компенсирую убытки, но проект поддержать не смогу.

Он повесил трубку. Анна сжала телефон так, что побелели костяшки. Полонский. Он все-таки добрался до Гурьевича. Долг, угрозы – неважно. Важно, что она снова одна.

За окном шел снег. Москва готовилась к новому году, к новой жизни. А Анна сидела в своей мастерской и не знала, что делать дальше. Особняк висел на волоске, денег не было, враг был силен, а единственный человек, который мог бы ее понять, – циничный журналист с глазами, полными боли, – был где-то там, в своем мире, и вряд ли думал о ней.

Но она ошиблась.

На следующий день в дверь постучали. Анна открыла – на пороге стоял Константин. В руках – бутылка вина и какой-то сверток.

– Привет, – сказал он хрипло. – Слышал про слушания. Думал, вам может пригодиться компания.

Анна смотрела на него и чувствовала, как к глазам подступают слезы. Не от радости, а от усталости. От того, что кто-то есть.

– Заходите, – сказала она. – Только у меня не очень убрано.

– Неважно. – Он перешагнул порог. – Я не за интерьером.

Они сидели в мастерской, пили вино и говорили. Не о войне, не о политике, не о сносах. О жизни. О том, как трудно быть собой, когда мир требует быть другим. О том, что иногда единственный способ выжить – это найти того, кто поймет.

Константин рассказал о Чечне, о Сашке, о своих кошмарах. Анна – об отце, о матери, о своей одержимости. И в какой-то момент они замолчали, глядя друг на друга, и поняли: между ними что-то происходит. Что-то, чему нет названия.

– Я, наверное, пойду, – сказал Константин, когда вино закончилось. – Поздно уже.

– Оставайтесь, – вдруг сказала Анна. – На диване. Если хотите.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Хочу.

Он остался. Не на диване – на полу, рядом с ней, глядя в окно на падающий снег. И в эту ночь они не спали, а говорили, говорили, говорили. А под утро, когда город начал просыпаться, Анна взяла его руку и положила себе на ладонь.

– Смотри, – сказала она. – Это линия жизни. У тебя она длинная.

– А у тебя? – спросил он.

– У меня тоже. Но она почему-то ведет к тебе.

Он не ответил. Только притянул ее ближе и поцеловал – первый раз, робко, словно боясь спугнуть.

За окном светало. Москва просыпалась, не зная, что в маленькой мастерской на окраине начинается история, которой суждено длиться годы.

Глава 4. Отец

1996 год, декабрь – 1997 год, январь

После той ночи в мастерской Анна и Константин не виделись почти две недели. Он уехал в командировку – очередная горячая точка, на этот раз не Чечня, а что-то на границе с Таджикистаном. Звонил редко, говорил скупно, и Анна чувствовала, как между ними снова вырастает стена. Но она не обижалась. Она понимала: люди, побывавшие там, не умеют иначе.

Сама она погрузилась в работу с головой. Особняк на Малой Никитской получил отсрочку, но это была пиррова победа. Денег на реставрацию не было, инвестор исчез, чиновники тянули с разрешениями. Анна металась между архивами, мастерской и бесконечными совещаниями, но чувствовала, что силы тают.

В один из декабрьских вечеров, когда Москву завалило снегом по самые крыши, она решила навестить отца.

Илья Ветров жил в старом районе, недалеко от Патриарших прудов, в доме, который сам спроектировал в середине шестидесятых. Тогда это был образец современного советского зодчества – легкий, воздушный, с большими окнами и открытыми балконами. Теперь дом обветшал, облупился, и новые жильцы, накупившие квартиры в соседних новостройках, смотрели на него как на досадный пережиток прошлого.

Анна поднялась на четвертый этаж – лифт не работал уже лет пять – и позвонила в дверь. Открыла мать, Маргарита, маленькая сухонькая женщина с добрыми глазами и вечно озабоченным лицом.

– Анечка! – обрадовалась она. – А мы тебя не ждали. Проходи, проходи. Отец в мастерской, как всегда.

Анна разделась, прошла в гостиную. Здесь ничего не менялось с ее детства: те же книжные шкафы до потолка, тот же старый диван, тот же запах – книг, табака и чего-то неуловимого, что называется «дом». На стенах висели фотографии, чертежи, эскизы – лица зданий, которые построил отец. Многие из них уже снесли.

– Как он? – тихо спросила Анна у матери.

Маргарита вздохнула, поправила платок.

– Плохо, дочка. Совсем плохо. Опять сердце прихватывало, но в больницу не идет. Говорит, нечего там делать. Целыми днями сидит в своей мастерской, перебирает бумаги. Иногда плачет. Думает, я не вижу, а я вижу.

– Что плачет?

– По прошлому. По своим домам. Вчера показывали по телевизору, как снесли гостиницу «Москва». Он так и замер, а потом выключил и ушел. Я заглянула через час – сидит, смотрит в стену, слезы текут.

У Анны сжалось сердце. Она знала, что для отца каждый снесенный дом – это смерть. Он вкладывал в них душу, спорил с чиновниками, пробивал проекты, а теперь все это шло под бульдозер. И никто не вспоминал, что эти здания когда-то были символом новой жизни, надежды, будущего.

– Я пойду к нему, – сказала Анна.

Мастерская Ильи Ветрова находилась в мансарде, куда вела узкая лестница. Анна поднялась, постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Отец сидел за кульманом, сгорбившись, и рассматривал старые чертежи. Он был в том же свитере, что и всегда, – сером, заношенном до дыр, с вечными пятнами туши. Волосы совсем побелели, лицо изрезали морщины, но глаза, когда он поднял их на дочь, оставались все теми же – ясными, умными, чуть насмешливыми.

– Аня, – сказал он хрипло. – Заходи. Давно не была.

– Здравствуй, папа.

Она подошла, обняла его, чувствуя, какой он стал худой и хрупкий. Раньше он казался ей огромным, нестигаемым – архитектор, творец, строитель. Теперь это был просто старый человек, которого время согнуло, но не сломало.

– Чем занимаешься? – спросила Анна, садясь на табурет рядом.

– Да вот, – он показал на чертежи. – Нашел старые проекты. Помнишь этот дом? На проспекте Мира. Его в прошлом году снесли. А я тут все считал, выверял каждую линию. Думал, будет стоять вечно. Глупый был.

– Ты не глупый, пап. Ты просто верил.

– Верил? – он усмехнулся. – Я верил, что мы строим для людей, для счастья. А оказалось – для времени. Время все съедает. И наши дома, и нас самих.

Анна взяла его руку – холодную, с выступающими венами.

– Не все. То, что ты сделал, осталось в людях. В тех, кто жил в этих домах, кто в них любил, растил детей. Память – она не в камне, она в нас.

Илья Ветров посмотрел на дочь долгим взглядом.

– Ты говоришь, как я когда-то. Когда был молодым и глупым. А теперь я старый и знаю: память умирает вместе с людьми. Новым поколениям плевать на наши идеалы. Им нужны стекло и бетон, деньги и комфорт. И они правы по-своему.

– Нет, – твердо сказала Анна. – Неправы. Если мы забудем прошлое, мы потеряем себя. Мы станем Иванами, не помнящими родства.

– Родства, – повторил отец и вдруг оживился. – А ты знаешь, я ведь недавно нашел кое-что. О нашем роде.

Он встал, подошел к старому шкафу, порылся в бумагах и извлек пожелтевшую фотографию. Протянул Анне.

– Гляди.

Анна взяла снимок и ахнула. На нее смотрел тот самый офицер – с фотографии из подвала особняка. Те же глаза, то же лицо, только в другой форме, в другой позе.

– Откуда это у тебя? – выдохнула она.

– Это мой дед, – сказал Илья Ветров. – Твой прадед. Константин Ветров, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Расстрелян большевиками в восемнадцатом году под Петроградом.

Анна смотрела на отца, не веря своим ушам.

– Твой дед? Но как? Почему ты никогда не рассказывал?

– А кому это было нужно в советское время? – горько усмехнулся отец. – Я всю жизнь скрывал свое происхождение. Сын «врага народа», потом репрессированных. Меня не взяли бы в институт, не дали бы строить, если б узнали. Я даже фамилию сменил – Ветровыми мы стали только в тридцатых, а до этого были Ветровы-Сокольские. Дворяне, понимаешь? Неудобные.

Анна молчала, переваривая услышанное. Выходит, тот офицер с фотографии – ее кровный родственник. И он смотрел на нее все это время с пожелтевшего снимка, словно ждал, когда она узнает правду.

– А где он погиб? – спросила она.

– Где-то под Петроградом. Братская могила, без креста. Даже не знаю точно. Мать рассказывала, что его расстреляли вместе с другими офицерами, когда белые отступали. Тела закопали в лесу, и никто не знает где.

Анна представила: молодой красивый мужчина, с такими же глазами, как у Константина, умирает в лесу, в яме, никому не нужный. И никто не придет на могилу, не поставит свечку. Только фотография осталась, чудом сохранившаяся в старом особняке.

– Пап, а где особняк на Малой Никитской? Он как-то связан с нашей семьей?

Илья Ветров задумался.

– Не знаю. Но возможно. В этом особняке до революции жила семья купцов Сокольских, наших дальних родственников по линии бабушки. Если там были фотографии, значит, кто-то из наших там бывал.

– Я нашла там фрески, – сказала Анна. – В подвале. Дом хотели снести, но я добила отсрочки. Теперь пытаюсь собрать деньги на реставрацию.

– Деньги? – отец горько усмехнулся. – Деньги сейчас у тех, кто эти дома сносит. У новых хозяев жизни. А мы, хранители, нищие.

– Не все такие, – возразила Анна, вспомнив Полонского. – Есть и те, кто готов помочь. Но с условиями.

– Условия? – насторожился отец. – Какие?

Анна рассказала о встрече с Полонским, о его предложении и о том, как исчез инвестор.

Илья Ветров слушал молча, потом долго смотрел в окно.

– Знаешь, дочка, я за свою жизнь понял одну вещь: никогда не бери у сильных мира сего, если они просят что-то взамен. Даже если кажется, что они дают даром. Потом спросят сторицей.

– Я отказалась, пап.

– Молодец. Но берегись этого человека. Такие не прощают отказов. Если он не смог тебя купить, он попытается сломать.

– Пусть попробует, – твердо сказала Анна. – Я не боюсь.

Отец посмотрел на нее с гордостью и болью.

– Ты в меня, – сказал он. – Я тоже не боялся. А теперь видишь, что со мной стало. Время ломает всех, дочка. Главное – не сломаться самому.

Они еще долго сидели в мастерской, перебирая старые фотографии, чертежи, письма. Анна слушала рассказы отца о его молодости, о стройках, о любви. О том, как он встретил маму – на практике в Ленинграде, как они гуляли по набережным, как он рисовал ее портрет на салфетке в кафе. О том, как строил свой первый дом, как гордился каждой линией, каждым кирпичом.

– А теперь, – сказал он под конец, – теперь я доживаю век в этой мансарде и смотрю, как все, что я создал, превращают в пыль. Иногда думаю: зачем я жил? Для чего?

– Ты жил для нас, – ответила Анна. – Для меня, для мамы. Для тех людей, которые живут в твоих домах и даже не знают твоего имени, но чувствуют тепло, которое ты вложил в стены. Это не зря.

Отец улыбнулся – впервые за вечер.

– Ты умеешь утешить, дочка. Прямо как мать в молодости.

– Я не утешаю, пап. Я правду говорю.

Она обняла его на прощание и пообещала приходить чаще. Спускаясь по лестнице, слышала, как мать хлопчет на кухне, как пахнет пирогами – тем самым запахом детства, который не спутаешь ни с чем.

На улице мороз пощипывал щеки. Анна шла по заснеженным переулкам и думала о том, как мало мы знаем о своих предках, как легко теряется связь поколений. Ее прадед – офицер, расстрелянный в восемнадцатом. Дед – репрессированный, сгинувший в лагерях. Отец

– великий архитектор, доживающий век в забвении. И она – последняя в роду, кто пытается сохранить память.

В кармане зазвонил телефон. Анна достала мобильник – дорогая вещь, которую она купила недавно для связи с заказчиками. На экране высветился номер Константина.

– Алло? – ответила она, чувствуя, как сердце забилося быстрее.

– Привет, – услышала она его хриплый голос. – Я вернулся. Можно увидеться?

– Можно. – Она улыбнулась в темноту. – Приезжай. Я в мастерской буду через час.

– Жди.

Он отключился. Анна ускорила шаг, хотя внутри все кричало: не спеши, не надо, он опять уедет, опять исчезнет. Но она не слушала этот голос. Она хотела его видеть. Сейчас. Немедленно.

В мастерской она зажгла свет, поставила чайник, попыталась привести себя в порядок. Но когда через час в дверь постучали, она стояла посреди комнаты в том же пальто, с мокрыми от снега волосами, и не могла двинуться с места.

Константин вошел, стряхнул снег с куртки, посмотрел на нее – и вдруг шагнул, обнял, прижал к себе так сильно, что она чуть не задохнулась.

– Ты чего? – прошептала она.

– Ничего. – Его голос дрожал. – Просто там, в горах, я понял одну вещь. Я не хочу больше убегать. От себя. От тебя. От всего. Я хочу быть здесь. С тобой.

Анна подняла голову, посмотрела в его глаза – те самые, похожие на глаза прадеда. И увидела в них не боль, не тьму, а свет. Слабый, робкий, но настоящий.

– Я тоже хочу, – сказала она.

И поцеловала его.

А за окном падал снег, и Москва готовилась к Рождеству. Им предстояло пройти через многое, но сейчас, в эту минуту, они были вместе. И это было главным.

На следующее утро Анна проснулась рано. Константин еще спал, разметавшись на узком диване, и во сне его лицо казалось почти детским – беззащитным, спокойным. Она смотрела на него и думала о том, как странно устроена жизнь. Вчера она узнала о своем прадеде, а сегодня рядом с ней лежит человек с его глазами. Случайность? Совпадение? Или что-то большее?

Она тихонько встала, накинула халат и подошла к столу, где лежали старые фотографии. Снова достала снимок офицера, поднесла к свету. Те же скулы, тот же разрез глаз, та же линия губ. Если бы не форма и не вековая разница, их можно было бы принять за братьев.

– Кто ты? – прошептала Анна. – И почему ты привел меня к нему?

Ответа не было. Только снег падал за окном, и где-то вдалеке запела птица – первый признак того, что зима идет на убыль.

Константин зашевелился, открыл глаза.

– Ты чего не спишь? – спросил он хрипло.

– Думаю, – ответила Анна. – Иди сюда. Хочу тебе кое-что показать.

Он встал, подошел, накинул ей на плечи плед. Вместе они смотрели на фотографию.

– Кто это? – спросил Константин.

– Мой прадед. Я вчера узнала. Расстрелян в восемнадцатом.

Константин взял снимок, всмотрелся. И вдруг побледнел.

– Что? – испугалась Анна. – Что случилось?

– Ничего, – ответил он глухо. – Просто... он очень похож на моего отца. На меня. Ты замечала?

– Замечала, – тихо сказала Анна. – С первой нашей встречи.

Они замолчали. В комнате повисла тишина, в которой слышно было только дыхание двоих людей, внезапно почувствовавших, что их связывает нечто большее, чем случайность.

– Может, мы родственники? – попытался пошутить Константин.

– Может, – серьезно ответила Анна. – Но я не хочу проверять. Мне все равно. Ты – это ты. Он обнял ее, прижал к себе.

– Спасибо, – сказал он. – За то, что ты есть.

И они стояли так, глядя на падающий снег, и чувствовали, как между ними протягивается тонкая нить – линия жизни, которая соединила прошлое с настоящим, а настоящее – с будущим.

Глава 5. Ночной звонок

1997 год, февраль

Ночь выдалась морозной и звёздной. Такие ночи Константин ненавидел больше всего. В Чечне в ясные ночи обычно начинались обстрелы – луна светила, как прожектор, делая их мишенями. Здесь, в Москве, луна светила так же беспощадно, и он лежал с открытыми глазами, боясь заснуть.

Анна спала рядом, тихо посапывая, уткнувшись носом в его плечо. Её тёмные волосы разметались по подушке, пахли чем-то домашним – то ли мылом, то ли просто ею. Константин осторожно погладил её по голове, чувствуя, как внутри разливается тепло. И вместе с теплом – страх.

Он боялся, что она уйдёт, как только узнает его настоящего. Увидит те кошмары, что живут в его голове. Услышит крики, которые он иногда издаёт во сне. Поймёт, что он не герой, а сломанный человек, который притворяется нормальным.

Часы показывали половину третьего. Константин закрыл глаза, стараясь дышать ровно. Может, удастся поспать хоть пару часов...

Он снова был там.

Горы. Солнце печёт так, что плавится каска. Они идут по ущелью – он, Сашка, ещё четверо. Разведка. Говорят, здесь чисто, но Константин чувствует: что-то не так. Слишком тихо. Даже птицы молчат.

– Сашка, притормози, – говорит он в рацию.

– Всё норм, Костян. Расслабься.

Сашка идёт впереди, чуть правее. Его широкие плечи загораживают обзор. Константин видит только его спину, автомат, каску. И вдруг – щелчок. Не выстрел, а именно щелчок, как будто ветка сломалась. Сашка оседает, нелепо взмахнув руками.

– Саша!

Константин бросается к нему, переворачивает. Лицо друга – это уже не лицо. Кровавое месиво, из которого торчат осколки костей. Но глаза открыты, и губы шевелятся. Он что-то говорит, но звука нет. Кровь хлещет изо рта, заливая Константину руки, форму, глаза.

– Держись! Саша, держись!

Взрыв. Константина подбрасывает, накрывает землёй. Темнота. Тишина. И вдруг – голос Сашки, отчётливый, как будто он рядом:

– Костян, ты где? Почему ты меня бросил?

Константин рванулся, закричал, пытаясь вырваться из-под земли, но земля давила, не пускала, душила...

– Тише, тише, я здесь.

Он открыл глаза. Над ним склонилась Анна, испуганная, с растрёпанными волосами. Одной рукой она гладила его по щеке, другой сжимала его ладонь.

– Ты кричал во сне, – тихо сказала она. – Костя, ты в порядке?

Он смотрел на неё, не узнавая. Сердце колотилось где-то в горле, рубашка промокла насквозь. Потом реальность медленно вернулась. Он в Москве. В её мастерской. Рядом с ней. Сашка мёртв уже два года.

– Воды, – прохрипел он.

Анна метнулась на кухню, принесла стакан. Он пил жадно, расплескивая, чувствуя, как дрожат руки. Она села рядом, обняла его, прижала к себе.

– Это опять тот сон? – спросила она.

– Да.

– Расскажи мне.

– Не надо.

– Надо, Костя. Я хочу знать. Я хочу понимать, что с тобой происходит.

Он молчал долго, глядя в стену. Потом заговорил – глухо, отрывисто, словно вытаскивая из себя осколки.

– Мы были в разведке. Говорили, что там чисто. Сашка шёл первым. Снайпер. Прямо в голову. Я подбежал, а он ещё живой был, смотрел на меня, хотел что-то сказать. А потом – взрыв. Фугас. Меня отбросило, контузило. Я очнулся через сутки в госпитале. А Сашки уже не было.

Анна молчала, только гладила его по спине.

– Я его не спас, – продолжал Константин. – Я даже не смог его вытащить. Он там остался, в горах. И я каждую ночь вижу его лицо. И слышу голос: "Почему ты меня бросил?"

– Ты не бросал, – твёрдо сказала Анна. – Ты был ранен. Ты ничего не мог сделать.

– Мог. Надо было идти другим маршрутом. Надо было настоять, чтобы он не лез вперёд. Надо было...

– Хватит. – Она взяла его лицо в ладони, заставила смотреть в глаза. – Ты не виноват. Слышишь? Ты не виноват. Война никого не щадит. Ни его, ни тебя.

Он смотрел на неё и видел в её глазах не жалость, а что-то другое – силу, которая была сильнее его слабости.

– Почему ты со мной? – спросил он вдруг. – Я же сломанный. Я ночами ору, днём хожу как зомби, пью, как сапожник. Зачем тебе это?

Анна улыбнулась – грустно, но тепло.

– А ты не догадался? Я люблю тебя, дурака.

Он замер. Слово "люблю" прозвучало так просто, так естественно, что он не сразу поверил. Никто не говорил ему этого после мамы. Да и мама говорила редко – она умерла, когда он был подростком.

– Но мы знакомы всего пару месяцев, – возразил он.

– А какая разница? Я с первой встречи почувствовала: ты мой. Хотя ты вёл себя как последний циник.

Он усмехнулся.

– А ты как святая. Ходишь, спасаешь старые стены, веришь в добро. Мы же разные, как лёд и пламень.

– Разные – хорошо, – ответила Анна. – Лёд и пламень вместе дают воду. А вода – это жизнь.

Они замолчали. За окном светало. Где-то запели первые птицы – февральские, смелые, не верящие в морозы. Константин вдруг почувствовал, что кошмар отступил. Не исчез, но отступил, спрятавшись в угол сознания, уступив место этому утру, этой женщине, этому свету.

– Спасибо, – сказал он.

– За что?

– За то, что ты есть.

В восемь утра зазвонил телефон. Константин глянул на определитель – Глеб. Чёрт, совсем забыл, что они договаривались встретиться.

– Привет, – ответил он.

– Костян, ты где? Мы же в десять утра договаривались на Петровке пересечься. Ты проспал, что ли?

– Не проспал, просто... – Константин посмотрел на Анну, которая уже возилась на кухне.
– Обстоятельства.

– А, понял. – Глеб усмехнулся. – Ладно, давай в час. И захвати материал по люберецким.
– Договорились.

Константин отключился и пошёл на кухню. Анна жарила яичницу, напевая что-то себе под нос. Она была в его рубашке, босая, с растрёпанными волосами, и выглядела такой домашней, что у него защемило сердце.

– Есть хочешь? – спросила она, не оборачиваясь.

– Угу.

Он сел за маленький столик, заваленный чертежами. Анна поставила перед ним тарелку, налила кофе. Они ели молча, но молчание было уютным, не тягостным.

– Что у тебя сегодня? – спросил Константин.

– В особняк надо ехать, – вздохнула Анна. – Там эксперты будут, обследовать фрески. Надо присутствовать.

– А потом?

– Потом... не знаю. В фонд, звонить спонсорам. Деньги нужны, а их нет.

– Полонский опять не даёт?

– Полонский не даёт, но и не мешает пока. Хотя я ему не верю. Чувствую, что он что-то задумал.

Константин помрачнел. Имя Полонского вызывало у него раздражение. Этот богатый тип, который пытался купить Анну, который смотрел на неё как на лакомый кусок, бесил его до скрежета зубов. Но он молчал – не имел права лезть в её дела.

– Если что, звони, – только и сказал он. – Я приеду.

– Знаю.

Она наклонилась, поцеловала его в щёку. И Константин вдруг понял: ради этого стоит жить. Ради этого утра, ради этой женщины, ради того, чтобы быть кому-то нужным.

В час дня они встретились с Глебом в кафе недалеко от Петровки. Глеб уже сидел за столиком, потягивал кофе и листал газету. Увидев Константина, он ухмыльнулся.

– Ну, рассказывай, где пропал.

– Нигде. Работал.

– Работал он. – Глеб покачал головой. – Я же вижу, ты светишься весь. Это она? Та реставраторша?

Константин не ответил, но его лицо сказало всё.

– Поздравляю, – сказал Глеб. – Хорошая девушка, по всему видно. Ты с ней аккуратнее только.

– В смысле?

– В прямом. Ты сам знаешь, что у тебя в голове. Не дай бог, сорвёшься, напугаешь. Она тебе доверяет, а доверие сломать легко.

Константин вздохнул.

– Я знаю. Я пытаюсь держаться.

– Держаться мало. Лечиться надо. Я серьёзно, Костян. Я тоже через это прошёл. Мне Лена помогла, но и самому пришлось работать. К психологу ходил, таблетки пил. Сейчас легче.

– К психологу? – Константин усмехнулся. – Ты представляешь меня у психолога? "Расскажите, товарищ Лихачёв, о своих снах". Я ему расскажу, он сам в психушку ляжет.

– Зря смеёшься. Есть специалисты, которые с военными работают. Я тебе дам телефон.

– Подумаю.

Глеб посмотрел на друга долгим взглядом.

– Ты подумай. Ради неё подумай. Если она тебе дорога.

Константин кивнул. Он понимал, что Глеб прав. Но признаться себе, что он болен, что ему нужна помощь, было почти невозможно. Легче было заглушать боль водкой, чем смотреть ей в глаза.

Они обсудили рабочие вопросы, разошлись. Константин поехал в редакцию – сдавать материал. Вечером нужно было ехать на очередное происшествие – ограбление склада на окраине. Работа не ждала.

Но мысли его были не о работе. Они были об Анне, о её утреннем признании, о том, как она смотрела на него. И о том, как он боится это потерять.

В особняке на Малой Никитской было холодно, сыро и неудобно. Анна стояла в подвале рядом с экспертами – двумя пожилыми мужчинами, которые с важным видом рассматривали фрески.

– Интересно, очень интересно, – бормотал один, протирая очки. – Краски явно XVIII века, возможно, даже раньше. Но сохранность плохая, очень плохая. Реставрация потребует огромных средств.

– Я знаю, – сказала Анна. – Но это уникальный памятник. Таких фресок в Москве больше нет.

– А кому они нужны, эти фрески? – вздохнул второй. – Нынешние власти на такие вещи денег не дают. Только на новостройки.

– Мы найдём деньги, – твёрдо ответила Анна.

Эксперты переглянулись, но спорить не стали. Закончив осмотр, они уехали, оставив Анну одну. Она стояла в подвале, глядя на лики святых, которые смотрели на неё с выцветших стен. Они будто спрашивали: "Ну что, спасешь нас? Или оставишь гнить?"

– Я спасу, – прошептала Анна. – Обещаю.

Она поднялась наверх, в бывшие жилые комнаты. Здесь было ещё грустнее: ободранные обои, провалившийся пол, запах плесени и запустения. Но сквозь грязь и разруху угадывались благородные пропорции, лепнина на потолках, изразцовые печи. Если бы не запустение, это был бы один из красивейших особняков Москвы.

– Красиво, правда? – раздался голос за спиной.

Анна обернулась. В дверях стоял Полонский.

Она вздрогнула от неожиданности. Как он здесь оказался? Дверь была закрыта.

– Не бойтесь, – сказал он, заметив её испуг. – Я не призрак. У меня есть ключи. Как-никак я собственник.

– Вы не собственник, – возразила Анна. – Город ещё не продал вам это здание.

– Формальности, – отмахнулся Полонский. – Это вопрос времени. Я пришёл не спорить. Я пришёл сделать ещё одно предложение.

– Я уже сказала: мне не нужны ваши деньги.

– А если не деньги? – Он подошёл ближе, остановился в нескольких шагах. – Если я предложу вам нечто большее?

Анна насторожилась.

– Что именно?

– Я предлагаю вам возглавить мой фонд. Не отдел реставрации, а именно благотворительный фонд, который я создаю. Вы получите полную свободу действий, бюджет на спасение объектов, никакой коммерческой отчётности. Только одно условие: вы не будете выступать против моих коммерческих проектов. Не поддерживать, но и не мешать.

Анна смотрела на него и пыталась понять, что у него в голове. Зачем ему это? Он же бизнесмен, циник, сносит кварталы ради прибыли. Зачем ему фонд?

– Я не понимаю, – сказала она прямо. – Зачем вам это?

Полонский усмехнулся – грустно, как ей показалось.

– Затем, что я тоже не железный. Я строю бизнес, я зарабатываю деньги, но иногда я смотрю на такие дома, как этот, и думаю: а что останется после меня? Только бетон и стекло? Или что-то ещё?

– Вы хотите купить индульгенцию? – спросила Анна. – Пожертвовать на культуру, чтобы замолить грехи?

– Может быть. – Он не отводил взгляда. – А может, я просто хочу быть рядом с вами. Хотя бы так.

Анна опешила.

– Что?

– Не притворяйтесь, что не замечали. Я с первой встречи... – Он запнулся, подбирая слова. – Вы не такая, как все. Вы живёте не ради денег, не ради статуса. У вас есть идея, вера. Я потерял это давно. И глядя на вас, я понимаю, что потерял что-то очень важное.

В подвале повисла тишина. Анна смотрела на этого сильного, властного человека и видела в его глазах что-то, чего не ожидала – уязвимость, почти детскую растерянность.

– Дмитрий Борисович, – сказала она мягко. – Я тронута, правда. Но у меня есть мужчина. Я люблю его. И никакие деньги, никакие фонды не заставят меня изменить ему или себе.

Полонский кивнул, будто ожидал этого ответа.

– Я знаю. Этот журналист, Лихачёв. Я навёл справки. Он из Чечни, с контузией, пьёт. Что вы в нём нашли?

– Душу, – просто ответила Анна. – Такую же раненую, как этот дом. И я хочу её спасти. Как и этот дом.

Она сказала это и вдруг поняла, что это правда. Она действительно хотела спасти Константина. Не переделать, не вылечить, а просто быть рядом, чтобы он не упал в пропасть.

Полонский долго смотрел на неё. Потом развернулся и пошёл к выходу. На пороге остановился.

– Моё предложение остаётся в силе. Фонд будет создан в любом случае. Если передумаете – позвоните.

И ушёл.

Анна осталась одна в холодном особняке, чувствуя, как дрожат колени. Этот человек пугал её. Не угрозами, а своей силой и своей уязвимостью одновременно. Он был опасен, но в нём было что-то человеческое, что делало его не монстром, а трагической фигурой.

Вечером она рассказала всё Константину. Он слушал молча, сжав зубы. Когда она закончила, он спросил:

– И что ты думаешь?

– Я думаю, что он не врёт. Он действительно хочет делать добро. Но по-своему.

– А ты? Ты хочешь с ним работать?

– Нет, – твёрдо ответила Анна. – Я хочу работать сама. И я найду деньги. Без него.

Константин обнял её.

– Я верю в тебя. И помни: я рядом.

Она прижалась к нему, чувствуя, как уходит напряжение дня. Вместе они справятся. Со всем.

Ночью Константин спал спокойно – впервые за долгое время без кошмаров. А Анна лежала с открытыми глазами и думала о том, как странно переплелись их судьбы. Она, спасающая старые стены. Он, спасающийся от войны. Полонский, ищущий спасения в деньгах. Три линии жизни, которые пересеклись в одной точке.

И кто знает, куда они приведут.

Глава 6. Предложение

1997 год, март

Март в Москве выдался слякотным и нервным. Снег таял, обнажая прошлогодний мусор, собачьи экскременты и окурки. Город стоял в серой жиже, по которой бродили простуженные люди, проклиная погоду, власть и собственную жизнь.

Анна сидела в мастерской и смотрела на письмо, которое пришло утром с курьером. Толстый конверт из плотной бумаги, гербовая печать, официальный бланк корпорации «Стройинвест». Полонский не шутил.

Она перечитала текст в третий раз.

«Уважаемая Анна Ильинична!

На основании нашей беседы в особняке на Малой Никитской, подтверждаю свое намерение создать Благотворительный фонд содействия сохранению культурного наследия. Предлагаю Вам занять должность исполнительного директора фонда с годовым бюджетом на реставрационные проекты в размере одного миллиона долларов США. Финансирование осуществляется из личных средств, без привлечения коммерческих структур. Условия труда, заработная плата и социальный пакет обсуждаются индивидуально. Прошу Вас рассмотреть данное предложение и сообщить о своем решении в течение двух недель.

С уважением, Д.Б. Полонский».

К письму прилагался проект устава фонда, описание полномочий, список предполагаемых объектов для спасения – и среди них значился особняк на Малой Никитской. Полонский предусмотрел всё.

Анна отложила письмо и закрыла глаза. Голова гудела. Миллион долларов. Свобода действий. Спасение десятков зданий. И только одно условие – не выступать против коммерческих проектов «Стройинвеста». То есть закрыть глаза на то, как сносят другие дома, как выбрасывают людей на улицу, как уничтожают историческую среду.

Можно ли принять такое? Можно ли торговать совестью ради высокой цели?

Она вспомнила отца, его слова: «Никогда не бери у сильных мира сего, если они просят что-то взамен». Но Полонский не просит – он предлагает. И цена вопроса – миллионы, которые спасут уникальные памятники.

В дверь постучали. Анна вздрогнула, сунула письмо в стол и пошла открывать.

На пороге стоял Константин. Под глазами тени, небрит, но в руках – букет тюльпанов, жёлтых, как цыплята.

– Привет, – сказал он хрипло. – Это тебе. Увидел на рынке, вспомнил, что весна.

Анна улыбнулась, принимая цветы.

– Спасибо. Ты чего такой замученный?

– Работа. Вчера до трёх ночи сидел над материалом. Потом кошмары опять... – Он махнул рукой. – Неважно. Как ты?

– По-разному. Проходи.

Константин вошел, снял куртку, огляделся. В мастерской царил обычный творческий беспорядок: чертежи, эскизы, банки с кистями, на стене – фотографии особняка. Он подошёл к столу, машинально заглянул в бумаги.

– Что это? – спросил он, заметив край конверта.

Анна помедлила, потом достала письмо.

– От Полонского.

Константин взял листы, пробежал глазами. С каждой строчкой лицо его мрачнело.

– Миллион долларов, – сказал он глухо. – Он что, серьёзно?

– Вполне.

– И ты согласишься?

Анна молчала. Константин смотрел на неё, и в его глазах было что-то страшное – смесь боли, гнева и отчаяния.

– Ты же не согласишься, – повторил он. – Правда?

– Я не знаю, Костя. – Она села на стул, устало потерла виски. – Я не знаю. Это огромные деньги. На них можно спасти не только особняк, но и десятки других зданий. Я смогу нанять команду, проводить экспертизы, реставрировать по-настоящему. А сейчас у меня ничего нет. Я вымаливаю копейки у чиновников, унижаюсь перед спонсорами, а они либо исчезают, либо ставят условия. Полонский хотя бы честен: он говорит прямо, что ему нужно.

– Честен? – Константин усмехнулся. – Он хочет купить тебя. Ты понимаешь? Купить. Как покупают дорогую вещь. И ты готова продаться?

– Я не продаюсь! – Анна вскочила. – Я пытаюсь делать дело! А ты... ты не имеешь права меня судить. Ты не знаешь, как это – каждый день видеть, как гибнет история, и ничего не мочь сделать.

– Зато я знаю, как гибнут люди. – Голос Константина дрогнул. – Я видел смерть. Я носил её на руках. И я знаю, что никакие деньги не стоят того, чтобы терять себя.

– А я не теряю себя! Я, наоборот, нахожу – в деле, которое люблю. Если я соглашусь, я смогу делать его по-настоящему.

– С закрытыми глазами на то, что он творит? На то, как он уничтожает другие дома, другие судьбы?

– Я не буду закрывать глаза. Я просто не буду мешать. Это разные вещи.

– Для меня – одинаковые.

Они смотрели друг на друга, и между ними впервые возникла трещина. Та самая, которая потом может превратиться в пропасть.

Константин подошёл ближе, взял её за плечи.

– Аня, послушай. Я понимаю, что я не подарок. У меня куча проблем, я ночами ору, пью, у меня нет денег, нет будущего. Но я люблю тебя. И я не хочу, чтобы ты становилась такой, как они. Полонский – он монстр. Не потому, что богатый, а потому что для него люди – это цифры. Ты для него – тоже цифра. Способ успокоить совесть, купить индульгенцию. Если ты согласишься, ты станешь частью его системы. Ты перестанешь быть собой.

Анна высвободилась из его рук.

– А ты не думал, что я сама могу решать? Что я не пешка, а взрослый человек? Что я не дам себя купить, но могу использовать его ресурсы для своего дела?

– Использовать его? – Константин горько рассмеялся. – Ты наивна, если думаешь, что его можно использовать. Он будет использовать тебя. И когда ты станешь не нужна, выбросит, как сломанную игрушку.

– Откуда ты знаешь? Ты его видел? Ты с ним говорил?

– Видел. Достаточно, чтобы понять.

– Ты просто ревнуешь! – выкрикнула Анна. – Ты боишься, что я уйду к нему, что он богаче, успешнее, что у него есть будущее, а у тебя – только прошлое.

Константин побелел.

– Ты правда так думаешь?

Анна закрыла рот рукой, но было поздно. Слова уже прозвучали, повисли в воздухе, отравляя всё вокруг.

– Костя, прости, я не то хотела...

– Нет, всё правильно. – Он отступил. – Я ревную. Да. Потому что он может дать тебе то, чего у меня нет. Деньги, стабильность, безопасность. А я могу дать только себя – сломанного, недоделанного, с тараканами в голове. И я понимаю, что это мало. Но это всё, что у меня есть.

Он направился к двери.

– Костя, стой!

– Нет. Я пойду. Тебе надо подумать. А мне – не мешать.

Дверь захлопнулась. Анна осталась одна, глядя на жёлтые тюльпаны, которые он принёс. Они стояли в банке из-под варенья – вазы у неё не было – и глупо, по-весеннему сияли. А на душе было темно.

Константин шёл по лужам, не разбирая дороги. В голове гудело, перед глазами плыло. Он злился на Анну, на Полонского, на себя. Но больше всего – на себя.

Он действительно боялся. Боялся, что она выберет не его. Что она устанет от его кошмаров, от его пьянства, от его вечной тьмы. Что однажды проснётся и поймёт: с ним нет будущего. А с Полонским – есть.

В кармане зазвонил телефон. Константин глянул на экран – Глеб.

– Слушай, – сказал он, не здороваясь. – Ты где? Мне нужно выпить.

– Ого, – удивился Глеб. – Что случилось?

– Потом расскажу. Встречаемся в «Штофе» через час.

– Договорились.

Константин сунул телефон в карман и пошёл быстрее. Холодный мартовский ветер хлестал по лицу, но ему было всё равно.

В баре «Штоф» на Большой Дмитровке было накурено, шумно и дешёво. Константин занял столик в углу, заказал водки и, не дожидаясь Глеба, налил себе полный стакан. Выпил залпом, даже не поморщившись.

Глеб подошёл, когда он наливал второй.

– Ну ты даёшь, – сказал друг, садясь напротив. – Совсем с катушек слетел?

– Слетел. – Константин поднял на него мутные глаза. – Она уходит, Глеб.

– Кто? Анна?

– Она. Полонский предложил ей миллион. Фонд, реставрацию, всё такое. А она... она думает согласиться.

Глеб присвистнул.

– Миллион? Это серьёзно. А что взамен?

– Ничего. Только не мешать его стройкам.

– То есть закрыть глаза на снос других домов?

– Именно.

Глеб заказал себе пива, закурил.

– Слушай, Костян, а ты уверен, что она согласится? Она же принципиальная. Я по твоим рассказам понял: она не продаётся.

– Не знаю. Она сама не знает. А я... я боюсь, что выберут его. У него всё есть. А у меня – ничего.

– Кроме любви, – усмехнулся Глеб. – Ты ей нужен, дурак. Иначе бы она давно послала тебя куда подальше. Ты посмотри на себя: вечно мрачный, пьёшь, спишь плохо. А она с тобой. Значит, что-то в тебе есть.

– Ничего нет. Одна пустота.

– Пустота – это место, которое можно заполнить. – Глеб говорил спокойно, по-взрослому. – Ты не пустой, Костян. Ты раненый. Это разные вещи. Раненого можно вылечить. А пустого – нет.

Константин молчал, глядя в стакан.

– Я к психологу ходил, – вдруг сказал Глеб. – Помнишь, я тебе говорил? Он мне помог. Не сразу, но помог. Я тебе дам телефон. Сходи. Ради неё сходи.

– Подумаю.

– Думай быстрее. А то потеряешь её.

Константин кивнул. Они выпили ещё, потом разошлись. Ночь встретила его мокрым снегом и пустотой в груди.

Анна не спала всю ночь. Она сидела за столом, перечитывала письмо Полонского, смотрела на фотографии особняка, на снимок прадеда. В голове крутились слова Константина, его глаза, его боль.

Она позвонила отцу. Было уже поздно, но Илья Ветров не спал – он вообще спал мало в последнее время.

– Пап, извини, что поздно. Мне нужен совет.

– Говори, дочка.

Она рассказала всё: про предложение Полонского, про сомнения, про ссору с Константином.

Отец долго молчал. Потом заговорил – медленно, как всегда, когда думал о важном.

– Аня, я всю жизнь строил. Я верил, что мои дома будут стоять вечно. А теперь их сносят. И знаешь, что я понял? Не дома важны. Важны люди, которые в них живут. И те, кто их строит. И те, кто их защищает. Ты сейчас стоишь перед выбором: стать хранительницей или стать чиновницей от культуры. Если ты примешь деньги Полонского, ты станешь частью системы, которая уничтожает то, что ты любишь. Да, ты спасёшь несколько зданий. Но ценой того, что другие погибнут с твоего молчаливого согласия. Сможешь ли ты потом смотреть на себя в зеркало?

Анна молчала.

– Я не говорю тебе, что делать, – продолжал отец. – Я просто прошу подумать: что для тебя важнее – результат или путь? Потому что путь определяет, кем ты станешь в конце.

– А если я смогу изменить систему изнутри?

– Изнутри систему не меняют. Система меняет тех, кто в неё входит. Ты станешь другой. И однажды поймёшь, что те компромиссы, на которые ты пошла, превратились в предательство.

Анна вздохнула.

– Спасибо, пап. Я подумаю.

– Думай, дочка. И помни: я горжусь тобой, кем бы ты ни стала.

Она положила трубку и заплакала. Впервые за долгое время – навзрыд, по-детски, не стесняясь. Плакала от усталости, от одиночества, от невозможности сделать правильный выбор.

Утром она проснулась с твёрдым решением. Она позвонит Полонскому и откажется. Но сначала нужно помириться с Константином.

Она набрала его номер. Долгие гудки, потом автоответчик. Набрала снова – то же самое. Тогда она оделась и поехала к нему домой.

Дверь открыл сосед.

– А Лихачёв съехал, – сказал он равнодушно. – Вчера вечером собрал вещи и уехал. Сказал, в командировку.

– Куда?

– Не знаю. Сказал, надолго.

Анна прислонилась к стене. Сердце упало. Он уехал, даже не попрощавшись. Не дождав-шись её решения. Просто сбежал, как всегда.

Она вернулась в мастерскую, села за стол и написала письмо Полонскому: «Уважаемый Дмитрий Борисович, благодарю за предложение, но вынуждена отказаться. Я не могу работать в фонде, который создан на деньги, заработанные уничтожением истории. Надеюсь на понимание. С уважением, Анна Ветрова».

Отправила с курьером и почувствовала облегчение. Тяжёлое, горькое, но облегчение.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, когда Константин вернётся. И надеяться, что он вернётся.

1999 год, сентябрь

Два с половиной года – срок, за который можно вырастить ребёнка или потерять себя. Анна не вырастила никого, кроме собственного одиночества. Особняк на Малой Никитской стоял, заколоченный досками, и ждал своей участи. Она добилась статуса памятника федерального значения, но денег на реставрацию так и не нашла. Чиновники кивали, обещали, но бюджетные средства уходили на что угодно, только не на старые стены.

Она постарела? Нет, двадцать девять лет – не возраст для старения. Но в глазах появилась та глубокая усталость, которая бывает у людей, слишком долго бьющихся в закрытую дверь. Волосы она теперь стригла коротко – так удобнее, меньше возни. Одевалась в то, что под руку попадётся. Мастерская превратилась в склад чертежей и пыли. Жизнь текла мимо, а она застыла в ожидании.

Чего? Сама не знала.

Константин пропал. После той ссоры, после его внезапного отъезда, он не звонил, не писал. Глеб говорил, что он жив, работает где-то на Северном Кавказе, но подробностей не знал. Анна пыталась не думать о нём, но по ночам, когда сон не шёл, она вспоминала его глаза, его руки, его голос. И сердце сжималось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.